

УДК 37; 378.09; 378.3; 378.11

**ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОСЧЕТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СССР
В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД**

В.В. Калинов

Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, Москва 119991, Россия

@Автор для переписки, e-mail: kafedra-i@yandex.ru

В статье исследуются отдельные аспекты одной из актуальных, наименее изученных и дискутируемых в настоящее время проблем отечественной истории, связанной с научно-технической политикой СССР в послевоенный период. На основе анализа научной литературы и ранее не опубликованных архивных документов предпринимается попытка выявить факторы, определившие корректировку и суть промышленной и научно-технической политики в послевоенный период, характер и результаты реорганизаций в сфере управления научно-технической сферой. Формулируется вывод о том, что успешная реализация послевоенных масштабных проектов свидетельствовала о единственно возможной стратегии, выбранной руководством страны. В частности, послевоенная геополитическая ситуация и необходимость скорейшего восстановления и укрепления экономики СССР потребовали от советского руководства максимально прагматичного подхода в вопросе «заимствований». Был сформирован и собственный мощный научно-технический комплекс. Достижения проявлялись, прежде всего, в оборонной сфере. Вместе с тем исследование показало, что активизация научно-технических исследований, превращение науки в определяющий фактор экономического развития страны в те годы так и не стали приоритетом. Подчеркивается, что торможение, снижение эффективности управления было обусловлено возрастанием роли партийного аппарата в работе государственных органов; реорганизациями в системе управления народным хозяйством; ведомственным подходом, недостатками планирования; недостаточным профессионализмом советского руководства.

Ключевые слова: научно-техническая политика, восстановительный период, научный потенциал, общенациональные проекты.

THE ACHIEVEMENTS AND FAILURES OF THE STATE SCIENTIFIC AND TECHNICAL POLICY OF THE USSR IN THE POSTWAR PERIOD

V.V. Kalinov

*Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University),
Moscow 119991, Russia*

@Corresponding author e-mail: kafedra-i@yandex.ru

The article investigates certain aspects of one of the current issues of the Russian history, the least studied and discussed at present. On the basis of the analysis of scientific literature and previously unpublished archival documents, attempts to identify the factors that determined the adjustment and essence of the industrial and scientific-technical policy in the postwar period, the essence and results of the reorganization in the management of scientific and technical sphere. We conclude that successful implementation of post-war large-scale projects proves that there was only one possible strategy chosen by the country's leadership. In particular, the postwar geopolitical realities and the need for early recovery and strengthening of the Soviet economy demanded from the Soviet leadership a most pragmatic approach as to the issue of "borrowing". Besides, a strong research and technical complex was formed, and very impressive results were achieved, especially in the defense sphere. However, the study showed that the intensification of scientific and technical research, transformation of science into a determining factor of economic development of the country in those years failed to become a priority. The slowdown and deficiency of control were due to the increasing role of the party apparatus in the state bodies, due to the reorganizations in the system of national economy management, due to the departmental approach and shortcomings in planning, due to the insufficient professionalism of the Soviet leadership.

Keywords: scientific-technical policy, recovery period, scientific potential, national projects.

При разработке и реализации государственной инновационной политики в настоящее время большинством экспертов признается критическая значимость точного выбора приоритетов дальнейшего развития Российской Федерации, научной обоснованности и последовательности. В связи с этим требует изучения опыт ее осуществления советским государством в один из самых сложных периодов отечественной истории – послевоенный, когда все силы были направлены, главным образом, на восстановление экономики, сохранение технико-экономической независимости от ведущих держав мира, достижение военно-стратегического паритета. После войны приоритетным направлением продолжала оставаться тяжелая промышленность, но ставка делалась и на создание собственной научно-технической базы.

События, связанные с исследованием и оценкой экономической модели послевоенного развития СССР, являются наименее изученными современными историками. В конце 1990-х–начале 2000-х гг. превалировали резко негативные оценки. Для их подтверждения вводились в научный оборот ранее не доступные, весьма ценные для науки архивные материалы [1–5]. И сегодня ряд авторов, отстаивающих необходимость либе-

ральных реформ, продолжают придерживаться подобных оценок [6]. Однако все больше исследователей настаивает на неправильности отнесения «ответственности» за жесткие, трудно поддающиеся модернизационному воздействию конструкции сложившейся экономической модели, полностью на счет идеологической зашоренности позднесталинского руководства. Так, В.В. Журавлев и Л.Н. Лазарева полагают правильным указывать и на такие объективные факторы, как инерция мобилизационной экономики кануна Великой Отечественной войны и самой войны, реальные и неотложные в этот период потребности государства не только в восстановлении экономики, но и значительной части страны, оказавшейся в руинах [7]. Одновременно сохранялся курс на построение коммунизма в обозримом будущем. Сложное взаимодействие указанных факторов и определило, по мнению авторов, характер становления и реальное содержание экономической теории и практики послевоенного периода.

Одним из дискуссионных продолжает оставаться и вопрос определения эффективности государственной промышленной и научно-технической политики в эти годы. Так, Г.И. Ханин говорит о произошедшей тогда подлинной технической революции в машиностроении, наметившихся качественных сдвигах в электроэнергетике, химической промышленности, черной и цветной металлургии [8, сс. 114–115, 118]. Сконцентрировать ресурсы на приоритетных направлениях позволили поддерживающиеся в экономике диспропорции, широкое использование труда заключенных, низкий жизненный стандарт населения. Одним из важнейших достижений того времени явилось производство металлорежущего оборудования: по сравнению с довоенным уровнем общее производство станков выросло на 60%. Впервые в массовом масштабе начали выпускаться автоматические линии. Станкостроение вышло на технический уровень самых передовых капиталистических стран всего лишь за 5 лет после тяжелейшей войны. Была создана фактически новая отрасль – радиоэлектроника. Появились десятки научно-исследовательских институтов и промышленных предприятий, что потребовало значительных средств и высокого уровня квалификации кадров. Без всякого сомнения, наибольшие достижения были достигнуты в оборонной сфере, но и в гражданских отраслях удалось повысить производительность труда по сравнению с довоенным уровнем, прежде всего, благодаря техническому прогрессу и улучшению организации производства. Снижалась себестоимость продукции.

В числе факторов, ускоряющих научно-технический прогресс, справедливо назвать и реорганизации в сфере управления. Речь идет, прежде всего, о перестройке Госплана, о создании Госкомитета по новой технике, Госкомитета по материально-техническому снабжению и др.

Ряд историков связывает высокие темпы советской индустриализации и восстановления народного хозяйства с заимствованием западных научно-технических достижений, утверждая, что массовые поставки зарубежного оборудования, по сути, являлись повторением практики 1930-х гг., однако за послевоенные ремонтные поставки не нужно было платить [8, с. 115; 9, с. 139–142]. Г.И. Ханин оценивает роль ленд-лиза, репараций и вывоза из Германии технической документации в экономическом чуде, наблюдаемом в послевоенном СССР, как «немалую». Исследователь подчеркивает и весьма значимую роль промышленного шпионажа в то время и в последующие годы [10, сс. 73–74]. Тем более это было важно в условиях, когда по политическим мотивам

сократился экспорт США в СССР: до 4% совокупного американского экспорта в 1946 г. и уже до 1% – в 1947 г. [11, с. 94].

Согласно данным, опубликованным Г.И. Ханиным, общий объем немецких репараций (4.3 млрд. долларов в ценах 1938 г.) во внутренних ценах составил 86 млрд. рублей, в том числе, промышленного оборудования – 70 млрд. рублей [12, с. 182]. В такую сумму оценивались 2/3 авиационной и электротехнической промышленности Германии, большая часть ракетостроения, автомобильные, военные, станкостроительные, металлургические, машиностроительные, судостроительные и другие заводы [13, р. 414].

А. Ваксер утверждает [14], что после капитуляции с территории Германии и ее сателлитов в качестве трофеев и репараций вывозились целые заводы. Все это именовалось «специмпортом». На улицах советских городов появлялись новенькие легковые машины; на письменных столах – пишущие машинки, как две капли воды напоминавшие немецкие модели; в строй вступали подводные лодки, закладывавшиеся на германских верфях. Этот своеобразный допинг и стал одним из немаловажных источников «чуда возрождения», полагает автор.

Изученные нами опубликованные данные и архивные документы частично подтверждают этот вывод. Так, например, В.К. Иванов ссылается на докладную записку в центральные партийные органы президента Академии наук А.Н. Несмеянова, председателя Государственного комитета по новой технике В.А. Малышева и министра высшего образования СССР В.П. Елютина о состоянии науки в 6-й пятилетке [15, с. 104]. В записке признавалось, что главные усилия ученых в предшествующий период были направлены на освоение советской промышленностью зарубежных достижений, то есть предпочтение отдавалось уже испытанному ранее варианту заимствования: апробированное внедрять быстрее, надежнее, чаще – и дешевле. Одновременно авторы акцентировали внимание на том факте, что ряд разработок отечественных ученых быстрее внедрялся за рубежом, нежели в собственной стране.

Послевоенные геополитические реальности и необходимость скорейшего восстановления и укрепления экономики СССР потребовали от советского руководства максимально прагматичного подхода в вопросе «заимствований». Нам представляется правомерным вывод о том, что в послевоенный период экономическое превосходство США оказалось возможным компенсировать только достижением паритета в военной сфере путем использования всех имеющихся ресурсов, включая «заимствования». Немецкие «высокие» технологии, «интеллектуальные репарации» из Германии в Советский Союз сыграли огромную роль в развитии ряда отраслей советской промышленности в послевоенный период и, в первую очередь, советского военно-промышленного комплекса. Исследования последних лет, публикация ныне открываемых архивных материалов позволяют с большой степенью точности определить размеры «заимствований» и их характер. Так, например, еще в 1945 г. специальной комиссией были намечены к перебазированию из Германии в Ухту Беленский и Треглицкий гидрогенизационные заводы [16, л. 168].

В то же время документы свидетельствуют, что в ряде случаев у отечественных специалистов не хватало квалификации, чтобы разобраться в «заимствованных» чертежах и оборудовании. В частности, было допущено завышение веса оборудования прокатных станов в три раза по сравнению с указанным в американской технической докумен-

тации. В июне 1949 г. группой инженеров (А.И. Ефремовым и др.) в письме на имя Л.П. Берия подобный факт интерпретирован как «очковтирательство», преступление: «...Более позорного случая в конструировании машин не найти, когда, имея богатейшую практику конструкторских бюро Ижорского, Ново-Краматорского и др. заводов, стан получился в 3 раза тяжелее американского и почти в 5 раз немецкого стана подобного типа... Конструкторы стана имели не только чертежи американского стана, но и изготовленный в Америке стан». Поэтому с их стороны, по мнению авторов письма, превышение веса «...есть не только ошибка, но и государственное преступление. Причину этого преступления нужно искать или в неопытности конструкторов, взявшихся не за свое дело, или в чем-то злом умысле... Пожалуй, имеет место и то, и другое, но, вернее всего, – последнее, так как неопытный инженер, или студент последнего курса советского вуза прекрасно осведомлен о значении экономии в подобных вопросах». Утверждалось, что «...А.И. Целиков¹ – «ученый»-авантюрист, а его окружение (Носаль, Королев, Ирошников, Шор, Гуревич, Кругликов, Закк, Рокотин и др.) – сборище космополитов и карьеристов. Вот они-то, не допускающие опытных русских конструкторов (Чайку, Ползикова, Дмитриева и др.) к ответственному делу, привели к тому, что сконструированный ими стан оказался в три раза тяжелее американского... Мы уверены, что Вы, стоящий на страже нашего государства, разберетесь, кто прав, кто виноват в допущении ошибки и очковтирательстве, и осведомите Советское правительство, в чем причина этой ошибки: в неопытности или в злом умысле» [17, лл. 69–73]. Документ свидетельствует о все той же атмосфере доноительства, поиске врагов и объяснениях просчетов, что и в предвоенный период.

Между тем, значительное число экспертов справедливо, на наш взгляд, полагает, что собственный научный потенциал страны в послевоенные годы был достаточно высоким, многое удавалось осуществлять самим, дополняя созданное зарубежными разработками. Так, Е.Т. Артемов отводит зарубежному научно-техническому опыту роль катализатора в становлении атомной и радиоэлектронной промышленности, ракетостроения и авиастроения, но не столь значительную, как в 1930-е гг. Многие оригинальные отечественные исследования и разработки использовались после войны в горном деле, машиностроении, металлургии, электроэнергетике, судостроении. К середине 1950-х гг. преимущественно на собственной основе развивались ракетостроение, ядерная энергетика, производство средств связи, радиолокационного оборудования и электронно-вычислительной техники, авиация. Продукция этих отраслей не уступала зарубежным аналогам. Ученый утверждает, что именно в этот период наметился отход от имитационной модели научно-технического развития [18, с. 155]. Более того, напоминая о советских достижениях в космосе, ядерной физике, авиации, Г.А. Быковская объясняет их лучшей организацией науки [19, с. 21]. Этот вывод подтверждает и исследователь А.М. Судариков [20]: атомная индустрия, авиастроение, радиоэлектронная промышленность, ракетостроение являются весьма наукоемкими отраслями и зависят от итогов систематических фундаментальных исследований.

«Холодная война» стимулировала и реализацию проектов в сфере информационных технологий, аппаратных платформ. Появление большого числа различных отечественных ЭВМ в начале 1950-х гг. было обусловлено поддержкой на государственном уровне

¹Целиков А.И. – лауреат Сталинской премии (1947, 1951, 1948), причем в 1947 г. – за научный труд «Прокатные станы», лауреат Ленинской премии (1964).

проведения самостоятельных, независимых от западных аналогов, разработок. К сожалению, в конце 1960-х гг. выбранный курс изменили на прямо противоположный, что в значительной степени определило технологическое отставание СССР в последние десятилетия его существования [21, сс. 189–202].

Ограниченность международных научных связей, практическое отсутствие публикаций по ряду направлений негативным образом, на наш взгляд, сказывалась на развитии фундаментальной науки, на подготовке и переподготовке высококвалифицированных специалистов. Так, в фондах РГАНИ сохранилось письмо заведующего отделом науки и культуры Аппарата ЦК КПСС А.М. Румянцева на имя Н.С. Хрущева, в котором констатировалось недостаточное освещение в специализированных научных журналах результатов исследований советских ученых в области физики. В частности, автор указывал, что «...публикуется лишь небольшая часть получаемых в СССР научных результатов по общетеоретическим вопросам ядерной физики. В печати освещаются лишь исследования по теории ядра и элементарных процессов, по космическим лучам и ядерной спектроскопии». Но даже по этим разделам публиковалось незначительное число статей: «...Так, например, за девять месяцев 1953 г. в СССР опубликовано около десяти работ по ядерной спектроскопии; за тот же период в американском реферативном журнале «Нуклеар сайнс абстрактс» аннотированы 367 работ по ядерной спектроскопии. Аналогичное положение имеется и в публикации результатов исследования по физике космических лучей и применения метода меченых атомов». Автором также отмечалось отсутствие в СССР опубликованных работ по физике нейтронов и нейтронографии, по работе мощных ускорителей и свойствам частиц больших энергий. В то же время за рубежом подобные работы издавались. В частности, в американском журнале «Физикал ревью» только за 3 месяца 1953 г. напечатано свыше 60 статей по этим разделам физики [22, л. 4]. Нами также выявлена информация о том, что из 750 рефератов научных работ по теоретической и ядерной физике, опубликованных в 1954 г. в реферативном журнале «Физика», только 67 основывались на советских публикациях [22, л. 6].

В письме А.М. Румянцева предлагалось «...принять меры для улучшения научной информации о ведущихся в СССР исследованиях по общетеоретическим вопросам ядерной физики, не связанным с производственно-технологическими проблемами» с целью развития исследований по ядерной физике в научных институтах и вузах, а также подготовки специалистов в ряде технических вузов и на физических факультетах университетов. Отделом науки и культуры ЦК КПСС было рекомендовано Президиуму АН СССР и Министерству среднего машиностроения СССР совместно рассмотреть вопрос о публикации научных работ по общетеоретическим вопросам ядерной физики с учетом состояния зарубежной научной информации и внести предложения в Совмин СССР [22, л. 4].

По нашему мнению, убедительным примером активизации собственных научно-технических изысканий в послевоенный период стал, благодаря формированию единого научно-производственного цикла, несомненно, ВПК. В августе 1945 г. для управления работами по использованию внутриатомной энергии урана был создан Специальный комитет при ГКО под руководством Л.П. Берии [23, сс. 11–14]. Позже планирование «специальных работ» было изъято из ведения Госплана СССР [24, сс. 366–367]. При Спецкомитете функционировали Технический и Инженерно-технический советы, позднее объединен-

ные с целью укрепления научно-производственных связей в Научно-технический совет. Его председателем стал Б.Л. Ванников, заместителями – И.В. Курчатова и М.Г. Первухина. Первое главное управление при Спецкомитете руководило рядом организаций, предприятий, значительным количеством научно-исследовательских, проектных, конструкторских организаций, привлекаемых к решению атомной проблемы. В феврале 1951 г. для активизации научно-технических исследований в области создания управляемых ракет, самолетов (носителей оружия) и ракет дальнего действия при Спецкомитете и Совмине СССР было организовано Третье главное управление [25, сс. 103–106]. После упразднения Специального комитета в июне 1953 г. и ареста Л.П. Берии задача осуществления прорывов в научно-технической сфере легла на отраслевые министерства. Лишь одним из таких ведомств, в целом не имеющих возможности самостоятельно решать проблемы межотраслевого характера, реализовывать стратегические проекты общенационального масштаба, стало Министерство среднего машиностроения, образованное 26 июня 1953 г. на основе Первого, Второго и Третьего главных управлений [26, с. 50].

Представляется неправомерным преуменьшение значения Минсредмаша (переименован в 1963 г. в Государственный производственный комитет по среднему машиностроению), сменившего Спецкомитет, но он действительно оказался изолированным от других научных структур. Произошло еще большее разделение гражданской и оборонной отраслей науки, центр тяжести при принятии стратегических решений стал перемещаться в партийные инстанции. В 1954 г. был сформирован Отдел оборонной промышленности ЦК, отраслевые же бюро Совмина СССР, отвечающие за развитие крупных народнохозяйственных комплексов, прекратили свое существование. Одновременно в феврале 1955 г. в качестве постоянно действующего органа создан Совет Обороны, при нем – Военный научно-технический комитет по атомному, водородному и ракетному оружию. Обе эти структуры возглавлялись Первым секретарем ЦК КПСС Н.С. Хрущевым. Особое внимание к модернизации ВПК было обусловлено «холодной войной», ядерным вызовом, стремлением добиться и сохранить военно-стратегический паритет. Это же предопределило и специфику ГНТП в исследуемый период в целом. Напомним, что британский премьер-министр У. Черчилль уже 23 июля 1945 г. заявил членам Комитета начальников штабов: «Секрет создания бомбы и возможность ее использования полностью нарушат равновесие сил на международной арене, которое складывалось после поражения Германии... сейчас мы можем сказать русским, что если вы действительно хотите сделать то-то и то-то, что ж ... русским нечем будет на это ответить» [27, сс. 138–139]. Он поручил военным разработку проекта, получившего предварительное название «Операция «Немыслимое» (Operation Unthinkable). Согласно убеждению многих исследователей, уже 21 сентября 1945 г. и США окончательно решили идти по пути «атомной дипломатии», но по-настоящему широкомасштабные работы по развитию атомного оружия развернулись лишь в 1946 г., тогда же, в мае 1946 г. там было сформировано третье направление – становление ракетной техники. Вызовами для СССР стали: создание в 1947 г. Западного союза, в 1949 г. – НАТО. Стараясь выиграть время, И.В. Сталин использовал все возможные средства и ресурсы, чтобы как можно быстрее создать собственное ядерное оружие и тем самым нейтрализовать атомную угрозу со стороны США. Приняв этот вызов, полагает В.А. Шестаков, Сталин в значительной мере лишил своих возможных преемников по власти выбора и

альтернатив дальнейшего развития страны [28, сс. 102, 104, 105]. В качестве последствий курса на гонку вооружений исследователь называет «...фактическую изоляцию страны, отгороженность ее от мировой экономики...», «...автоматическое выпадение из бурно развивающихся инновационных процессов, что неизбежно вело к усугублению отставания и маргинализации страны...». Несмотря на это, автором подчеркивается и безальтернативность выбранного курса: опасаться бывших союзников Сталин имел все основания, после 1945 г. любой советский лидер должен был поставить перед собой цель создания ядерного оружия (а в перспективе – и достижения ядерного паритета), хотя бы в силу того, что оно имелось у потенциального противника. Сталин не стремился к гонке вооружений, писал о желании добиться мирного сосуществования. Тем не менее, именно этот курс, согласно выводу В.А. Шестакова, уже в середине 1940-х гг. определил условия, делающие весьма вероятным назревание внутреннего социально-политического кризиса в СССР, а его проявление становились лишь вопросом времени.

И.В. Быстрова также придерживается подобной точки зрения: «Беспокойство имело под собой почву: в 40-60-х годах² СССР действительно отставал от США в области новейших вооружений в среднем на 3-5 лет» [29, с. 347]. Ряд авторов указывает, например, и на такой фактор милитаризации экономики и научно-технической сферы, как влияние определенных кругов советского ВПК [28, с. 103]. Поэтому, как писали А.В. Пыжиков и А.А. Данилов [4, с. 152], «...военнизированная модель экономики, заложенная в соответствии со сталинскими замыслами, развивалась по своему сценарию, неуклонно подчиняя своим правилам экономическую и социальную жизнь советского общества».

Опыт реализации оборонных программ, если и не имел широкого распространения, то способствовал повышению общего уровня научно-исследовательских работ, в частности, по использованию ядерной энергии в различных областях, укреплению материально-технической базы и статуса Академии наук, отраслевых НИИ [30, сс. 144–145; 31, сс. 93–94]. Впрочем, возможности решать проблемы межотраслевого характера, реализовывать проекты общенационального масштаба, действительно, были весьма ограничены. Наибольшим научным потенциалом располагали базовые отрасли промышленности: нефте- и угледобыча, металлургический комплекс, машиностроение, химическая промышленность (15% всех научных учреждений, находившихся в ведении союзных министерств и ведомств в конце пятой пятилетки) [18, с. 162].

Архивные данные свидетельствуют о том, что руководство АН СССР осознавало суть проблемы, пыталось создать соответствующие механизмы. Предлагалось осуществлять научные исследования на плановой основе, выделяя приоритетные направления, подчеркивалась необходимость организационной перестройки системы НИИ, кооперирования деятельности научных коллективов, создания специализированных конструкторских и проектных организаций для обеспечения быстрого внедрения достижений науки в производство [32, лл. 98, 200–202; 33, лл. 8–9, 709–787]. Однако в руководстве гражданской наукой определяющим оставался ведомственный подход, академический сектор руководствовался решениями Президиума АН СССР, конкретизирующими общие директивы партии и правительства. Совет Министров СССР, рассматривая вопросы, связанные с

²1940–1960 гг.

научно-технической сферой, ориентировался на предварительную экспертизу, проведенную отделом науки ЦК, позицию секретаря ЦК, курировавшего этот отдел.

Отсутствие органа, отвечающего за разработку и реализацию НТП, имело весьма серьезные негативные последствия: распыление средств, дублирование тем и мелкотемье, крайне недостаточные межотраслевые научные связи. Причина сложившейся ситуации видится в непонимании руководителями страны основных направлений развития научно-технического прогресса, который принимал все более межотраслевой характер. Для ликвидации очевидных недостатков еще в январе 1948 г. был создан Государственный комитет Совета Министров СССР по внедрению передовой техники в народное хозяйство – Гостехника СССР³, в распоряжение которой передавались Комитет по изобретениям и открытиям, Комитет стандартов, Технический совет по механизации трудоемких и тяжелых работ. В ее составе функционировало и Специальное управление научно-исследовательскими работами. Анализ стенограмм заседаний Гостехники СССР позволяет согласиться с утверждением исследователей, которые оценивали возможности этого органа управления как весьма ограниченные: разрабатываемые им планы основывались на планах министерств и ведомств, контроль за их выполнением сводился к отчетам. Чаще всего обсуждались вопросы, связанные с состоянием научно-технической информации, утверждались госстандарты на различные механизмы, изделия и материалы. Предметом многочасовых и многодневных обсуждений в 1949 г., например, явилось определение качества производимого в стране керосина; особенностей сварочного процесса; процентного содержания меди в прокатной стали и других вопросов. Нельзя утверждать, что Гостехника совершенно устранилась от решения вопросов по внедрению новаций. Так, на одном из заседаний, в частности, слушался вопрос о срыве темпов внедрения в промышленность автоматических ткацких станков конструкции инженера Г.И. Кананина. Модель была представлена на международной выставке и получила высокую оценку зарубежных экспертов. Однако из 300 запланированных станков советской промышленностью было выпущено в десять раз меньше, причем в ходе их изготовления было допущено значительное отступление от инженерных требований. Контрольная Комиссия забраковала почти треть деталей. В итоге Государственный комитет Совета Министров СССР по внедрению передовой техники 8 февраля 1949 г. принял решение «...доложить правительству о невыполнении Министерством машиностроения и приборостроения постановления правительства о выпуске 300 ткацких станков-автоматов конструкции инженера Кананина и о безобразном выполнении этих станков Климовским заводом» [34, лл. 56, 90]. Изученные материалы также говорят, что на заседаниях Гостехники неоднократно поднимался вопрос о невыполнении министерствами Постановления Совмина СССР от 14 марта 1947 г. «О решительном улучшении руководства делом изобретательства и открытий в СССР». Например, на одном из заседаний в 1949 г. обсуждалась проблема низкого процента внедрений на предприятиях тяжелого машиностроения. Отмечалось, что за предыдущие 3–4 года в системе министерства внедрено только 23 изобретения, тогда как в 1947–1948 гг. рост числа авторских заявок, подаваемых по линии изобретений, технических усовершенствований и рационализаторских предложений составил

³Гостехника СССР просуществовала до 1957 г. сначала в виде Государственного комитета Совета Министров СССР по внедрению передовой техники в народное хозяйство (1948–1955), затем Государственного комитета Совета Министров СССР по новой технике (1955–1957).

50%. Констатировалось отсутствие у Министерства тяжелого машиностроения развернутого плана внедрения важнейших изобретений и технических усовершенствований как за прошедший период (1947–1948 гг.), так и на дальнейшую перспективу. Показано, что никаких рычагов воздействия на министерства у Гостехники в этой ситуации не было [35, л. 1].

Новая ориентация развития экономики, меры по устранению диспропорций в развитии народного хозяйства были предложены еще на августовской (1953 г.) сессии Верховного Совета СССР в докладах Г.М. Маленкова и министра финансов СССР А.Г. Зверева. Они могли бы способствовать улучшению работы промышленных предприятий на основе использования хозрасчета [36, с. 141]. Однако страна долго развивалась по инерционному сценарию, утвержденному еще в предвоенный период: повышение темпов и объемов производства определяло экономическую политику, шло экстенсивное развитие науки и техники. Министерствам и ведомствам, научным организациям рекомендовалось при разработке проектов новых и реконструкции действующих предприятий предусматривать более высокие плановые показатели по сравнению с достигнутыми на отечественных и зарубежных предприятиях [37].

Академия наук выступала с рекомендациями оптимизировать соотношение прикладных и фундаментальных исследований, активизировать процесс расширения сети научных учреждений [38]. По мнению руководства Минвуза СССР, недостаточная эффективность научных исследований объяснялась отсутствием планирования и координации научной деятельности в общегосударственном масштабе, параллелизмом и дублированием исследований, наличием огромного числа научных организаций, которые были мало озабочены проблемами внедрения достижений науки в народное хозяйство. Предлагалось существенным образом изменить организацию научной деятельности в стране, создав единое руководство, сосредоточив основные силы в высшей школе, сократив научно-исследовательские институты, увеличив число лабораторий и конструкторских бюро, занимающихся внедрением передовых достижений [39]. Однако эти предложения поддержки не встретили.

Акцентируем внимание на еще одном управленческом решении, на самом деле, во многом определившем характер и результаты реализации государственной научно-технической политики в рассматриваемый период. В 1955 г. составление сводных планов вновь было передано Госплану СССР, в составе которого функционировал отдел техники. За разработку и внедрение новой техники отвечали теперь министерства и ведомства. При планировании основная инициатива шла «снизу», далее эти предложения корректировались вышестоящими органами и сводились воедино. Контролировался процесс реализации планов развития техники достаточно формально. По оценкам Госплана, они выполнялись на 75% [40, с. 62]. Взаимодействие науки и производства обеспечивалось планово-распорядительными методами, этой схеме соответствовало и бюджетное финансирование, на которое были переведены в 1950 г. все научно-исследовательские и проектные институты.

Таким образом, на наш взгляд, успешная реализация послевоенных масштабных проектов свидетельствовала о единственно возможной стратегии, выбранной руководством страны. По сути, в ВПК формировалась локальная инновационная система, опира-

ющаяся не только на передовые зарубежные разработки, но и на собственные. Только за вторую половину 1940-х гг. в СССР произошло практически полное техническое обновление вооруженных сил [4, с. 152]. Вместе с тем наше исследование показало, что активизация научно-технических исследований, превращение науки в определяющий фактор экономического развития страны не стали приоритетом. Факторами, определившими торможение, снижение эффективности управления в этот период, явились:

- возрастание роли партийного аппарата в работе государственных органов;
- реорганизации в системе управления народным хозяйством;
- ограниченность международных связей;
- недостаточный профессионализм советского руководства.

Необходимость поддержки технического прогресса, собственных фундаментальных исследований не отрицалась, но требовалась разработка и реализация комплексной научно-технической политики на общегосударственном уровне, ориентирующейся на интенсификацию исследовательской деятельности, активизацию научно-исследовательских разработок и их внедрение в производство.

Литература:

1. Зубкова Е.Ю. Общество и реформы (1945–1964). М.: Изд. центр «Россия молодая», 1993. 200 с.
2. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 1. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира / под ред. В.С. Лельчука. М.: Изд-во Рос. госуд. гуманитарного ун-та, 1997. 510 с.
3. Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946–1958 гг. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2000. 221 с.
4. Пыжиков А.В., Данилов А.А. Рождение сверхдержавы. 1945–1953 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 320 с.
5. Востриков В.Н. Послевоенное восстановление и противоречия этого периода, 1945–1955 гг. Новосибирск: Сиб. ун-т потреб. кооп., 2002. 27 с.
6. Мау В.А. В поисках планомерности: экономические дискуссии 1930–1960-х гг. Сочинения: в 6-ти т. Т. 1. Государство и экономика: опыт экономической политики. М.: Дело, 2010. С. 518–702.
7. Сталинское экономическое наследие: планы и дискуссии. 1947–1953 гг.: Документы и материалы / сост.: д-р ист. наук, проф. В.В. Журавлев, канд. ист. наук Л.Н. Лазарева. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 647 с.
8. Ханин Г. Советское экономическое чудо: миф или реальность? Статья третья // Свободная мысль. 2003. № 9. С. 103–125.
9. Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. М.: РОССПЭН, 1995. 417 с.
10. Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время: в 2-х т. Новосибирск: Гос. тех. ун-т, 2008. Т. 1. Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. 516 с.
11. Фоглесонг Д.С. Американские надежды на преобразование России во время Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 2003. № 1. С. 100–133.
12. Ханин Г. Динамика экономического развития СССР. Новосибирск: Наука, 1991. 274 с.

13. Sutton A. Western technology and Soviet economic development. 1930 to 1945. Stanford: Hoover Institution Press Stanford University, 1971. 487 p.
14. Ваксер А. Малоизвестные страницы периода послевоенного возрождения // Аргументы и факты. № 20. 17.05.1994. [Электронный ресурс] URL: <http://www.aif.ru/archive/1642503> (дата обращения: 28.08.2017).
15. Иванов В.К. Как создавался образ советской науки // Вестник РАН. 2001. Т. 71. № 2. С. 99–113.
16. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 121. Д. 378.
17. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 456.
18. Артемов Е.Т. Научно-техническая политика в советской модели постиндустриальной модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 356 с.
19. Быковская Г.А. Государственная поддержка научно-технических инноваций: из истории вопроса в России. М.: МИФИ, 2007. 611 с.
20. Судариков А.М. Советское руководство и изменение научно-технической политики страны в 1945–1953 гг. [Электронный ресурс] URL: <http://economics.open-mechanics.com/articles/123.pdf> (дата обращения: 16.09.2017).
21. Бодрова Е.В., Кашкин Е.В. Технологическое отставание как фактор распада СССР // Российский технологический журнал. 2017. № 3. Т. 5. С. 189–202.
22. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 17. Д. 458.
23. Постановление ГОКО № 9887сс/оп «О Специальном комитете при ГОКО». 20 августа 1945 г. // Атомный проект СССР: документы и материалы: в 3-х т. / под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т. II. Атомная бомба. 1945–1954 / сост. Г.А. Гончаров. Саров: 1, 1999. Кн. 1. С. 11–14.
24. Постановление Совета Министров СССР № 5475-2089сс/оп «О Первом управлении Госплана СССР». 1 декабря 1949 г. // Атомный проект СССР: документы и материалы: в 3-х т. / под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т. II. Атомная бомба. 1945-1954 / сост. Г.А. Гончаров. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 1999. Кн. 4. С. 366–367.
25. Круглов А.К. Штаб Атомпрома. М.: ЦНИИАтоминформ, 1998. 493 с.
26. Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления, их руководители. 1923–1991: историко-библиографический справочник / сост. В.И. Ивкин. М.: РОССПЭН, 1999. 639 с.
27. Цит. по: Дилкс Д. Черчилль и операция «Немыслимое», 1945 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 138–139.
28. Шестаков В.А. Социально-экономическая политика советского государства в 1950-е – середине 1960-х годов. М.: Наука, 2006. 418 с.
29. Быстрова И.В. Советский ВПК: Теория, история, реальность // Свободная мысль. 1997. № 6. С. 30–44.
30. Протокол № 29 заседания Специального комитета при Совете Министров СССР. 27 ноября 1946 г. // Атомный проект СССР: документы и материалы: в 3-х т. / под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т. II. Атомная бомба. 1945-1954 / сост. Г.А. Гончаров. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 1999. Кн. 1. 718 с.
31. Постановление Совета Министров СССР № 2697-1113 сс «О развитии научно-ис-

следовательских работ по изучению атомного ядра и использованию ядерной энергии в технике, химии, медицине и биологии» 16 декабря 1946 г. // Атомный проект СССР: документы и материалы: в 3-х т. / под общ. ред. Л.Д. Рябева. Т. II. Атомная бомба. 1945-1954 / сост. Г.А. Гончаров. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 1999. Кн. 3. 640 с.

32. Архив РАН. Ф. 2. Оп. 69. Д. 122.

33. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 412.

34. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9480. Оп. 1. Д. 21.

35. РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 1. Д. 23.

36. XX съезд КПСС и его исторические реальности. М.: Политиздат, 1991. 416 с.

37. Бодрова Е.В., Калинов В.В. Технологическое отставание как фактор распада СССР и вызов для современной России. М.: МАОРИ, 2017. 514 с.

38. Вавилов С.И. О путях развития советской науки. Доклад на собрании научных работников Ленинского района г. Москвы // Вестник АН СССР. 1946. № 4. С. 3–12.

39. Есаков В.Д. Эпизоды из истории атомного проекта // Природа. 2003. № 10. [Электронный ресурс] URL:http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/NATURE/10_03/АТОМ.HTM (дата обращения: 17.09.2017).

40. Пыстина Л.И. «Буржуазные специалисты» в Сибири в 1920-е – начале 1930-х годов (социально-правовое положение и условия труда). Новосибирск: Изд-во института археологии и этнографии, 1999. 160 с.

References:

1. Zubkova E.Yu. Society and Reforms (1945–1964). Moscow: Publ. Center «Rossiya molodaya», 1993. 200 p. (in Russ.)

2. Soviet Society: The Origin, Development, Historical Final. V. 1. From armed uprising in Petrograd to the second superpower of the world / Ed. by V.S. Lelchuk. Moscow: Russian State Humanitarian University Publ., 1997. 510 p. (in Russ.)

3. Popov V.P. Economic policy of the Soviet state. 1946–1958. Tambov: TGTU Publ., 2000. 221 p. (in Russ.)

4. Pyzhikov A.V., Danilov A.A. The Birth of a Superpower. 1945–1953. Moscow: OLMA-PRESS Publ., 2002. 320 p. (in Russ.)

5. Vostrikov V.N. Post-war reconstruction and contradictions of this period, 1945–1955. Novosibirsk: Siberian University of Consumer Cooperatives Publ., 2002. 27 p. (in Russ.)

6. Mau V.A. In search of sustainability: Economic discussions of 1930–1960. Compositions: in 6 vols. V. 1: State and economy: The experience of economic policy. Moscow: «Delo» Publ., 2010. P. 518–702. (in Russ.)

7. Stalin's economic legacy: Plans and discussions. 1947–1953: Documents and materials / compilers: V.V. Zhuravlev, L.N. Lazarev. Moscow: «Politicheskaya encyclopedia» Publ., 2017. 647 p. (in Russ.)

8. Khanin G. Soviet economic miracle: Myth or reality? The third article // Svobodnaya mysl' (Free Thought – XXI). 2003. № 9. P. 103–125. (in Russ.)

9. Semiryaga M.I. As we ruled Germany. Moscow: ROSSPEN Publ., 1995. 417 p. (in Russ.)

10. Khanin G.I. Economic history of Russia in modern times: in 2 vols. Novosibirsk: State

Technical University, 2008. V. 1. The economy of the USSR in the late of thirties – 1987. 516 p. (in Russ.)

11. Foglesong D.S. American hopes for the transformation of Russia during the Second world war // *Novaya i noveyshaya istoriya* (New and Recent History). 2003. № 1. P. 100–133. (in Russ.)

12. Khanin G. Dynamics of economic development of the USSR. Novosibirsk: Nauka Publ., 1991. 274 p. (in Russ.)

13. Sutton A. Western technology and Soviet economic development. 1930 to 1945. Stanford: Hoover Institution Press Stanford University, 1971. 487 p.

14. Waxer A. little-known pages of the post-war revival of the// *Arguments and Facts*. № 20 17.05.1994. [Electronic resource] URL: <http://www.aif.ru/archive/1642503> (date accessed: 28.08.2017). (in Russ.)

15. Ivanov V.K. How the image of Soviet science was created // *Vestnik RAN* (Herald of the Russian Academy of Sciences). 2001. V. 71. № 2. P. 99–113. (in Russ.)

16. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. 17. Op. 121. D. 378. (in Russ.)

17. RGASPI. F. 82. Op. 2. D. 456. (in Russ.)

18. Artiymov E.T. Scientific and technical politics in the Soviet model of late industrial modernization. Moscow: ROSSPAN Publ., 2006. 356 p. (in Russ.)

19. Bykovskaya G.A. State support of scientific and technical innovations: From the history of the issue in Russia. Moscow: MEPhI Publ., 2007. 611 p. (in Russ.)

20. Sudarikov A.M. The Soviet leadership and the current scientific and technical policy of the country in 1945–1953. [Electronic resource] // URL:<http://economics.open-mechanics.com/articles/123.pdf> (date accessed: 16.09.2017). (in Russ.)

21. Bodrova E.V., Kashkin E.V. Technological backwardness as a factor in the collapse of the USSR // *Rossiyskiy tekhnologicheskiy zhurnal* (Russian Technological Journal) 2017. № 3. V. 5. P. 189–202. (in Russ.)

22. Russian State Archive of Recent History (RGANI). F. 5. Op. 17. D. 458. (in Russ.)

23. The GFCS Regulation No. 9887cc/op "About the Special Committee for the GFCS". 20 August 20, 1945 // *Atomic project of the USSR: Documents and materials: in 3 vols. / under the general editorship of L.D. Ryabev. V. II. Atomic bomb. 1945–1954 / Compiler G.A. Goncharov. Sarov: RFNC-VNIIEF Publ., 1999. Book 1. P. 11–14.* (in Russ.)

24. The resolution of Council of Ministers of the USSR № 5475-2089cc/op "About the First administration of the GosPlan of the USSR". December 1, 1949 // *Atomic project of the USSR: Documents and materials: in 3 vols. / under the general editorship of L.D. Ryabev. V. II. Atomic bomb. 1945–1954 / Compiler G.A. Goncharov. Sarov: RFNC-VNIIEF Publ., 1999. Book 4. P. 366–367.* (in Russ.)

25. Kruglov A.K. Headquarters of Atomprom. Moscow: CNIIatominform Publ., 1998. 493 p. (in Russ.)

26. The state power of the USSR. Supreme authorities and administrations, their leaders. 1923–1991: Historical and Bibliographic Handbook / Comp. V.I. Ivkin. M.: ROSSPAN Publ., 1999. 639 p. (in Russ.)

27. Quoted from: Dilks D. Churchill and the "Operation Unthinkable", 1945 // *Novaya i*

noveyshaya istoriya (New and Recent History). 2002. № 3. P. 138–139. (in Russ.)

28. Shestakov V.A. The socio-economic policy of the Soviet state in the 1950s – the mid-1960s. Moscow: Nauka Publ., 2006. 418 p. (in Russ.)

29. Bystrova I.V. Soviet military-industrial complex: Theory, history, reality // *Svobodnaya mysl'* (Free Thought). 1997. № 6. P. 30–44. (in Russ.)

30. Protocol No. 29 of the meeting of the Special Committee under the Council of Ministers of the USSR. November 27, 1946 // Atomic project of the USSR: Documents and materials: in 3 vols. / under the general editorship of L.D. Ryabev. V. II. Atomic bomb. 1945–1954 / Compiler G.A. Goncharov. Sarov: RFNC-VNIIEF Publ., 1999. Book 1. 718 p. (in Russ.)

31. The resolution of the Council of Ministers of the USSR No. 2697-1113 ss "On the development of research works on the study of atomic nucleus and nuclear energy in engineering, chemistry, medicine and biology", December 16, 1946 // Atomic project of the USSR: Documents and materials: in 3 vols. / under the general editorship of L.D. Ryabev. V. II. Atomic bomb. 1945–1954 / Compiler G.A. Goncharov. Sarov: RFNC-VNIIEF Publ., 1999. Book 3. 640 p. (in Russ.)

32. Archives of RAS. F. 2. Op. 69. D. 122. (in Russ.)

33. RGANI. F. 5. Op. 17. D. 412. (in Russ.)

34. Russian State Archive of Economy (RGAE). F. 9480. Op. 1. D. 21. (in Russ.)

35. RGAE. F. 9480. Op. 1. D. 23. (in Russ.)

36. XX Congress of the CPSU and its historical reality. M.: Politizdat, 1991. 416 p. (in Russ.)

37. Bodrova E.V., Kalinov V.V. Technological backwardness as a factor in the collapse of the Soviet Union and a challenge for contemporary Russia. M: MAORI Publ., 2017. 514 p. (in Russ.)

38. Vavilov S.I. On the ways of development of Soviet science. Report on the meeting of scientific workers of the Lenin district of Moscow // *Vestnik AN SSSR* (Bulletin of the USSR Academy of Sciences). 1946. № 4. P. 3–12. (in Russ.)

39. Esakov V.D. Episodes from the history of the atomic project // *Priroda* (Nature). 2003. № 10. [Electronic resource] URL: http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/NATURE/10_03/ATOM.HTM (date accessed: 17.09.2017). (in Russ.)

40. Pystina L.I. "Bourgeois specialists" in Siberia in the 1920s and early 1930s (socio-legal status and working conditions). Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography Publ., 1999. 160 p. (in Russ.)

Об авторе:

Калинов Вячеслав Викторович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории ФГБОУ ВО «Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина» (Россия, 119991, Москва, Ленинский пр-т, д. 65, корп. 1).

About the author:

Vyacheslav V. Kalinov, D.Sc. (History), Associate Professor, Head of the Chair of History, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University) (65, building 1, Leninsky Prospect, Moscow, 119991, Russia).